

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна

"СЫН ДУБРОВ" ИЛИ СЫН ЗВЕЗДЫ? ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Природа в творчестве М. Ю. Лермонтова занимает значимое место, в лермонтовской лирике она живет и действует наравне с человеком, являясь не только фоном, на котором разворачиваются лирические события, но и самостоятельным, мыслящим и чувствующим "героем". Выглядит это так естественно, что иной вариант, кажется, был бы для М. Ю. Лермонтова невозможен, ибо он тонко чувствовал свое родство с нею и даже называл себя сыном стихий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

3. Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Худож. Литература, 1989-1990. Т. 1. 623 с.
4. Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. 1986. Т. XII. С. 305-323.
5. Воронский А. На разные темы: (О марксизме и плохих стихах) // Наши дни. М. – Л., 1925. № 5. С. 306-309.
6. Дынник В. Стансы // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. 577-1198 стб.
7. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7-ми т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 2. 464 с.
8. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 376 с.
9. Кудряшов И. В., Клевачкина О. А. Онегинские реминисценции в поэме Н. А. Клюева «Кремль» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4. Ч. 2. С. 82-84.
10. Лелевич Г. Пушкин в марксистском освещении // Литература. Вып. 1. Л.: АН СССР, 1931. С. 9-20.
11. М. Ш. [Штокмар М.] Стансы // Литературная энциклопедия: в 11-ти т. 1929-1939. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. 824 стб.
12. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2-х т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. 638 с.
13. Мирский Д. Проблема Пушкина // Литературное наследство. 1934. № 16-18. С. 91-112.
14. Михайлова Н. И. «Стансы» («В надежде славы и добра...»). Из наблюдений за текстом // Болдинские чтения-2002. Саранск, 2002. С. 93-95.
15. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину / со вступ. ст. и примеч. А. А. Чебышева. СПб., 1911. 247 с.
16. Сергиевский И. О некоторых вопросах изучения Пушкина // Литературное наследство. 1934. № 16-18. С. 113-134.
17. Сураг И. Мандельштам и Пушкин. Статья вторая. Лирические сюжеты [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/surat.html (дата обращения: 26.01.2014).
18. Швердин С. Н. Поэмы Пушкина // Поэмы Пушкина. М.: ГИХЛ, 1936. С. 3-19.
19. Якубович Д. П. Еще о дневнике Пушкина (Ответ Б. В. Казанскому) // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. 1936. Вып. I. С. 283-291.

STANZAS AS A DIALOGUE WITH THE AUTHORITIES: PUSHKIN, YESENIN, MANDELSTAM

Pyatkin Sergei Nikolaevich, Doctor in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
nikolas_pyat@mail.ru

The article examines the destiny of Pushkin's "Stanzas" ("In the Hope of Glory and Kindness...", 1826) in the creative activities of the poets of the XX century – S. A. Yesenin and O. E. Mandelstam. The author pays special attention to the specifics of ideological and artistic relations of the modern works with the text of the poet-predecessor representing the lyrical genre of stanzas as a form of poetical dialogue uniting the masters of the pen and ideologists of the authorities in power.

Key words and phrases: stanzas; poetical dialogue; interpretation; historical reality; ideology.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Природа в творчестве М. Ю. Лермонтова занимает значимое место, в лермонтовской лирике она живет и действует наравне с человеком, являясь не только фоном, на котором разворачиваются лирические события, но и самостоятельным, мыслящим и чувствующим «героем». Выглядит это так естественно, что иной вариант, кажется, был бы для М. Ю. Лермонтова невозможен, ибо он тонко чувствовал свое родство с нею и даже называл себя сыном стихий.

Ключевые слова и фразы: М. Ю. Лермонтов; русская поэзия; философия природы; пейзажная лирика; патриотизм; психологизм; символика.

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна, к. пед. н.
Рязанский филиал Московского психолого-социального университета
Rapsod@list.ru

«СЫН ДУБРОВ» ИЛИ СЫН ЗВЕЗДЫ? ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА[©]

Родство с природой нашло отражение в описании собственно картин природы, в символических картинах и в тонких психологических параллелях между миром человека и миром природы, когда душевное состояние лирического героя соотносится с пейзажными зарисовками, характером местности и т.д. Следует отметить, что яркое образное видение связано не только с даром художественного слова, но и собственно с талантом живописца. Известно, что в начале своего творческого пути М. Ю. Лермонтов колебался, какое

поприще избрать – поэта или художника, выбрав первое, однако следует сказать, что живописные полотна М. Ю. Лермонтова – такие же шедевры, как и его стихи. Исследователи Т. М. Терещенко и Л. Ф. Гончарова отмечают: «Лермонтов любит описания и мастерски пользуется ими. Лермонтову-поэту всегда помогает Лермонтов-художник» [2, с. 149].

Мир природы для лирического героя М. Ю. Лермонтова – это естественная среда его обитания, место его пребывания, где он чувствует себя легко и свободно и где он находит чистоту и честность отношений; все прочие места сковывают его вольнолюбивую натуру, а самое главное, возвращают его к мысли о пресыщении «горькими наслаждениями» света. И он вынужден признаться: «Я не рожден для дружбы и пиров... / Я в мыслях вечный странник, сын дубров, / Ущелий и свободы, и, не зная / Гнезда, живу, как птичка кочевая» [1, с. 504]. Так высказывается поэтом мысль о единстве с природой, и он чувствует себя ее сыном, и это – не метафора, это – состояние его души. Более того, он называет своей матерью «степь широкую», а отцом – «небо далекое». «Они меня воспитали, / Кормили, поили, ласкали...» [Там же, с. 91]. В стихотворении «Отрывок» повторяется та же мысль: «Три ночи я провел без сна – в тоске, / В молитве, на коленях – степь и небо / Мне были храмом, алтарем курган» [Там же, с. 101]. И совсем удивительно, что даже с деревьями он чувствовал свое родство: «Мои братья в лесах – / Березы да сосны» [Там же, с. 91]. И между ними царит взаимопонимание и более того – взаимоподдержка: «Несусь ли я на коне, – / Степь отвечает мне; / Брожу ли я поздней порой, – / Небо светит мне луной...» [Там же].

Природа становится для лирического героя пристанищем, домом, храмом, алтарем, словом, тем единственным местом, которое принимает человека, какой он есть, и не может его ни обмануть, ни предать. Она раскрывает ему свои объятия и щедро дарит доброту и заботу:

«Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла...» [Там же, с. 102].

Его мечта – «в глуши степей дышать со всей природой» [Там же, с. 482]. Но возможно ли это для человека, чья жизнь сосредоточена в городе, на булыжной мостовой или современном асфальте? Возможно ли было «дышать» с природой «одним дыханьем, жить ее свободой» во времена М. Ю. Лермонтова и уж тем более сейчас, когда вся деловая жизнь «завязана» на городе? Или же эти дела – суета, отнимающая силы от главного? А что же в таком случае главное?

В эпоху М. Ю. Лермонтова человека окружали каменные строения и кирпичные стены; дома, тесно стоящие рядом на улицах и глядящие прямо в окна друг к другу; конные экипажи и пролетки, а главное – вокруг него был непрестанный, нескончаемый шум, который не давал ему возможности сосредоточиться и услышать голос собственной души. «И в городе, что мне всегда досадно / Колокола трезвонят беспощадно» [Там же, с. 499]. Теперь нас окружают бетонные громады; высотки, загораживающие небо; улицы, давно похожие на каменные колодцы. Что чувствует душа человека в таком окружении, где нет ни трели жаворонка по утрам, ни нежной незабудки под окном, ни простого спорыша под ногами, что называют в народе гусиной травкой? И что такое философия природы сегодня?

Как быть человеку, куда ему деваться, куда бежать, где найти уединение и приют истомившейся по красоте, тишине и гармонии душе? Только на лоне природы, чтобы припасть к ней, словно к груди матери. И только глядя на ее виды, ее «желтеющие нивы» и «малиновую сливу», слушая шум «свежего леса» и звуки «студеного ключа», в душе лирического героя смиряется и затихает тревога и воцаряется желанный покой. Но самое главное, только здесь он может быть по-настоящему и глубоко счастливым: «И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу бога...» [Там же, с. 161].

Таким образом, по мнению поэта, человек, удаленный от природы, удален и от самого Бога. Возможно, это вообще один из самых важных выводов, сделанных поэтом, который чрезвычайно важен для понимания его философии природы и творчества в целом. Ведь если Природа отождествляется с Богом, в этом случае за нравственно-этическое состояние человечества можно быть спокойным, и такое общество можно назвать здоровым. И это, пожалуй, главная, основополагающая мысль, когда мы ведем речь о пейзажной лирике М. Ю. Лермонтова.

Удивительно и то, что картины природы доставляли удовольствие поэту в любом их виде – будь это равнины или всхолмья, горы или степи, леса или пустыни. Да, ему отрадны были даже виды пустынь: «Как нравились всегда пустыни мне...» [Там же, с. 76]. Он видел их... не пустынными, а полными деятельной жизни, где свободно гуляет ветер «меж нагих холмов» и летает вольный коршун «в небесной вышине». Так природные картины обретали символическое значение. Что касается лермонтовского описания гор, пожалуй, в русской литературе они одни из лучших. «Кто посещал вершины диких гор / В тот свежий час, когда садится день...» [Там же]; «Чинар развесистые сени, / Густым венчанные плющом, / Пещеры, где палящим днем / Таятся робкие олени; / И блеск, и жизнь, и шум листов, / Стозвучный говор голосов, / Дыханье тысячи растений...» [Там же, с. 557].

Любовь к природному миру проявлялась у М. Ю. Лермонтова многогранно. Причем, родная природа ему по душе не только в минуты своего цветения и ликования, но и в минуты увядания: «Прекрасны вы, поля земли родной, / Еще прекрасней ваши непогоды...» [Там же, с. 92].

Картины природы в лирике М. Ю. Лермонтова имеют не только эстетическое значение и звучание, они позволяют поэту выразить различные психологические состояния, будь это радость или душевная тревога, любовное томление или уныние, ощущение ослепительного счастья или горькое чувство одиночества. Например, в поэме «Сашка» для того, чтобы выразить одиночество своего героя, дворянина Александра, М. Ю. Лермонтов характеризует его: «Таков средь океана островок: / Пусть хоть прекрасен, свеж, но

одинок...» [Там же, с. 481]. Для того, чтобы подчеркнуть твердость своего характера и негибкость духа, в стихотворении «Стансы» поэт прибегает к сравнению с утесом, «пустынной скалой»: «Так точно и я под ударом судьбы, / Как утес, неподвижен стою...» [Там же, с. 115].

В стихотворении «Песня» мы и вовсе находим психологическую параллель, основанную на сравнении человека, предчувствующего беду, с древесным листком, что бьется на ветру перед ненастьем: «Желтый лист о стель бьется / Перед бурей; / Сердце бедное трепещет / Пред несчастьем» [Там же, с. 101]. Близость миру природы выражалась в желании полного слияния с нею: «Для чего я не родился этой синей волной?» – спрашивает поэт самого себя. И хотя вода – лишь одна из стихий, а он был сыном всех стихий сразу («Пусть отдадут меня стихиям...»), все же это помогало ему передать художественным словом свои вольнолюбивые чувства.

Мы не можем обойти и такую роль пейзажа в лирике М. Ю. Лермонтова, как выражение патриотических чувств и, прежде всего, это касается стихотворения «Родина», где сам лексический состав говорит о многом: «разливы рек», «проселочный путь», «дымок спаленной жнивы», «полное гумно», «чета белеющих берез», «дрожащие огни печальных деревень». За всеми этими, казалось бы, простыми и немудреными образами во всем своем величии встает Россия, святая Русь – срединная, равнинная, раздольная. И образы эти, словно подернутые легкой дымкой или полупрозрачным туманом, окропленные вечерней росой, рисуют нам знакомые каждому из нас картины жизни, вызывающие в памяти или оставленную в детстве деревню, или поездки к бабушке в село, но в любом случае, это картины Родины, любовь к которой на таинственно-кровном уровне живет в каждой нашей клеточке. Такие мысли и чувства вызывает одно лишь стихотворение М. Ю. Лермонтова, которое по праву можно отнести к пейзажно-патриотической лирике и назвать высочайшим образцом поэтического искусства.

Традиции эти были восприняты позднее многими русскими поэтами. Точно так же поэты подхватили, развили и словно придали новые грани образу звезды в русской поэзии. У М. Ю. Лермонтова звезды – далекие и живые, ясные и недостижимые и прекрасные, как мечта. «Чисто вечернее небо, / Ясны далекие звезды, / Ясны, как счастье ребенка...» [Там же, с. 92]. Это строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Небо и звезды», где звезды становятся символом этой недостижимой чистоты и высоты, и в душе героя возникает желание быть на них похожим, и он грустит. «Чем ты несчастлив? / – Скажут мне люди. / Тем я несчастлив, / Добрые люди, что звезды и небо – / Звезды и небо! – а я человек!» [Там же, с. 92-93]. И дальше герой поясняет, что люди на земле питают друг к другу зависть, а он хотел бы «только их место занять», видимо, потому, что на небесах нет ни зависти, ни зла, и царит одна лишь любовь.

Эта же мысль высказана М. Ю. Лермонтовым и в стихотворении «Отрывок», где герой часто «на звезды устремлял» свой взор и дивился «пространству без начала и конца, / Завидуя судьбе его творца» [Там же, с. 102]. К образу звезды обращались многие поэты и до М. Ю. Лермонтова, что объясняется космизмом русской поэзии в целом, ее устремленностью к небесам – в переносном, символическом смысле, как к высоте духа, горней чистоте, божественной сути, постижению небесных тайн. Но надо ли говорить, что М. Ю. Лермонтов усилил этот образ, окутав его истинной лермонтовским очарованием и волшебством, а как же можно назвать разговор двух звезд друг с другом («И звезда с звездой говорит...») и придав ему право называться одним из заметных, значимых символов русской поэзии. Впоследствии к образу звезды обращались многие русские, советские и современные поэты (Н. А. Заболоцкий, С. Н. Марков, Н. М. Рубцов, Н. И. Тряпкин и др.), видя в ней то символ Руси, то знак одиночества, то путеводный свет.

Природный мир раскрывался М. Ю. Лермонтову в его многогранности и разнообразии, удивляя поэта своим богатством, щедростью и красотой, и он, в силу своего гения, остро чувствовал свою близость к нему и желание следовать его совершенным законам. Может быть, он и сам был не столько «сыном дубров», сколько сыном какой-то еще неизвестной миру звезды, и потому мы словно заново открываем для себя его звездное творчество.

Список литературы

1. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. Т. 1. 720 с.
2. Терещенко Т. М., Гончарова Л. Ф. Одноименные стихи в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1. Ч. 1. С. 148-151.

"THE SON OF LEAFY GROVES" OR THE SON OF A STAR? THE PHILOSOPHY OF NATURE IN M. YU. LERMONTOV'S CREATIVITY

Ryzhkova-Grishina Lyubov' Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
Moscow Psychologic-Social University (Branch) in Ryazan
Rapsod@list.ru

Nature in M. Yu. Lermontov's creativity has a significant place, in his lyric poetry it lives and acts on a par with a human, it is not only the background where lyric events take place but also an independent, thinking and sensible "hero". It looks so natural that the other variant would be impossible for M. Yu. Lermontov, because he felt subtly his affinity with it and he even called himself a son of the rudiments.

Key words and phrases: M. Yu. Lermontov; Russian poetry; philosophy of nature; landscape lyric poetry; patriotism; psychology; symbolics.